

Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Русские народные говоры как национальное богатство и необходимость культурно-языковой политики в России // Инновационная Россия. Сборник работ лауреатов и дипломантов Всероссийского конкурса интеллектуальных проектов «Держава-2009». М.: ФОРУМ, 2010. с. 187-198.

Основная идея проекта

Одним из обязательных условий успешного решения таких важных государственных задач России, как подъем сельского хозяйства и укрепление единства населения страны, является а) повышение самооценки сельских жителей и б) изменение отношения общества к их речи, то есть к современным русским народным говорам – национальному богатству, накопленному народом и хранимому сельскими жителями в форме живого употребления.

В современной России существует не только настоятельная необходимость, но и реальная возможность совместными усилиями государства и общества оптимизировать эту часть социально-культурной ситуации в стране путем целенаправленной языковой политики.

Русские народные говоры – ценнейшее культурное достояние России

О богатстве русского языка сказано и написано много. Постоянным источником научного и эстетического вдохновения служат удивительная гибкость, красота нашего языка, неисчерпаемая глубина запечатленных в нем смыслов, отражающих культуру и мировидение народа, его многофункциональность и поэтичность. Все это относится к русскому языку в целом, к общенародному русскому языку, воплощенному в многообразии форм и вариантов, важнейшими из которых являются, с одной стороны, законодательно принятый в качестве государственного внегосударственный *литературный язык* и, с другой стороны, устойчивые территориальные разновидности русского языка – *русские народные говоры*, или *диалекты*.

Русские народные говоры служат средством общения примерно для трети населения России. Они разнообразны по своей языковой структуре, отличаясь друг от друга и от литературного языка особенностями произношения, способами наименования явлений окружающего мира, спецификой грамматических форм и конструкций. Русский язык – язык с яркой выраженным диалектным расслоением.

Русские народные говоры – это не только территориальные варианты русского национального языка, составляющие его собственно лингвистическое богатство и многообразие, но и ценнейшее *культурное достояние* России. В народных говорах, как и в любом языковом идиоме, имеющем длительную историю, зафиксированы знания, веками накопленные носителями данной культуры. Народная речь хранит особые, не всегда выражаемые литературным языком знания: о традиционном ведении хозяйства, о традиционном русском семейном укладе жизни, о национальных обрядах, обычаях, народном календаре, о том, как в русской народной традиции понимается мир и человек в нем. Так, например, распространенные в севернорусских говорах слова рисуют особую картину мира, свойственную жителям северной деревни: *зимовка* – комната в доме, в которую переходили жить зимой; *большуха* – жена хозяина дома, ведавшая домашним хозяйством; *водня* – няня; *домовушко* – домовою, хранитель дома; *имение* – личные вещи человека (чаще всего о женской одежде); *ступни* – легкая рабочая обувь из бересты; *раскаты* – скользкие крутые уклоны, отшлифованные полозьями саней; *коромысло* – стрекоза; *заулок* – двор дома (примеры взяты из [Камалова, Савёлова 2007: 44]).

Диалектная речь показывает, что социальное и природное пространство, время, история значат для носителей диалекта не совсем то же, что для говорящих на литературном языке. Например, скорее для носителей литературного языка характерны выражения *до работы, после работы, в перерыв, во время отпуска, в восемнадцать тридцать, в семь сорок, через три недели, через пять минут* и подобные, тогда как в речи сельских носителей диалекта чаще встречаются другие определения времени: *до света, в полдень, как коров пригонят,*

на Рождество, в распутицу, даве (не очень давно, но сегодня же) и под. Эти определения опираются, как видим, на совершенно иные ориентиры, свидетельствуют об ином восприятии времени в народной культуре.

В диалектной коммуникации отражается особая (особая в сравнении с культурой горожан, говорящих на литературном языке) направленность интересов людей. Хотя в речи на диалекте гораздо слабее, чем у носителей литературного языка, представлены такие сферы, как наука, искусство, общественная и политическая деятельность, зато сильнее разрабатываются темы «родство и соседские отношения», «человеческие качества», тема природы.

Таким образом, так же как *русское языковое пространство* формируется совокупностью территориальных языковых пространств, *русское культурное пространство* сформировано совокупностью территориальных культурных пространств. Сужая языковое пространство до одного лишь литературного языка, а культурное пространство до одной лишь городской культуры, мы, несомненно, обедняем и то, и другое – и национальный русский язык, и национальную русскую культуру. Такое сужение разрывает единое в своем многообразии, великое в своей масштабности и богатстве пространство русского языка. Это хорошо понимали слависты прошлого. Например, Ф.И. Буслаев так писал об этом многокрасочном единстве русского языка, рассыпанном на большой территории России: *«Не надобно жаловаться на то, будто у нас недостает многих слов для выражения некоторых понятий о природе, например горной или приморской. Они у нас есть, и прекрасные, только рассеяны по разным концам России. И безрассудно было бы требовать, чтобы в московском наречии нашли мы слова для выражения явлений природы, бывающих на Урале или на берегах Охотского моря. Отвращение от провинциализмов есть старинный риторический предрассудок, который особенно неуместен у нас»* [Буслаев 1992: 356].

Диалектная речь создается и используется наряду с другими вариантами языка не в результате каких-либо «ошибок» или «порчи» языка, а по необходимости, в ответ на определенные коммуникативные потребности людей. Это по-

требности устного непосредственного общения в небольших относительно замкнутых коллективах со специфическим фокусом традиционной сельской культуры. Диалектная речь так же приспособлена обслуживать эту культуру, как литературный язык приспособлен обслуживать свою, другую (в основном городскую) культуру с характерными для нее сферами общения (образование, наука и техника, политика и т.д.), где необходима стандартизированная, точная и преимущественно письменная речь.

Каждый из вариантов языка наиболее эффективен в тех коммуникативных сферах, в которых и для обслуживания которых он развивается. Традиционному сельскому общению не требуются та степень точности, сложности содержания и абстрактности, отвлеченности, которых способна достигать литературная речь, для него не актуальны богатые стилистические возможности литературного языка (деловой стиль, научный, публицистический, художественный, противопоставленные разговорной речи), в традиционном сельском общении не было нужды в специальных языковых средствах общения на расстоянии и во времени (средства письменной коммуникации). Зато в традиционном сельском типе общения необходимы другие средства, недостаточно развитые в литературном языке, например, – гораздо большая, чем имеется в литературном языке, детализация обозначений важных в сельской жизни предметов, свойств, состояний, процессов. В своей сфере диалект – эффективное средство общения.

Сельская жизнь, ее формы, традиции, конечно, не остаются неизменными. Жителям сел все чаще приходится участвовать в общении, обслуживаемом литературной речью: на литературном языке строится школьное обучение, литературная речь влияет на говоры через средства массовой информации, литературный язык необходим в официальных ситуациях общения и т.д. Но пока сохраняются специфика сельской жизни и присущие ей особые коммуникативные условия, сохраняется и коммуникативная ценность диалектов.

В условиях современной России при наличии коммуникативных сообществ и коммуникативных ситуаций, в которых «родная речь» (речь, усвоенная в непосредственном общении в раннем детстве), отличная от кодифицирован-

ного варианта русского языка, оказывается наиболее адекватным способом общения, в число базовых понятий научной культурно-языковой политики должны входить не только понятие «родной язык», но и не менее важное понятие «родная речь» [Гольдин 2003]. Сознательное или невольное неразличение этих понятий чревато при проведении языковой политики серьезными негативными последствиями культурного и собственно социального характера.

Родная речь – одно из наиболее сильных начал, объединяющих людей, прежде всего – родственников и земляков, это важный субстрат патриотизма и хранитель специфики национальной культуры. Человек с вытесненной родной речью оказывается эмоционально и интеллектуально обедненным, лишенным своих корней, теряющим прочную социальную ориентацию. Это касается не только тех почти 30% населения России, которые и сегодня продолжают жить в селах, но и огромного количества горожан в первом поколении, еще недавно бывших сельскими жителями.

Отношение общества и государства к народным говорам: прошлое и настоящее

Отношение к русским народным говорам и направленная на них языковая политика нашего государства в течение последних 150 лет существенно менялись.

С середины XIX в. в российском обществе наблюдался бурный рост интереса к народной культуре и в том числе – к русским диалектам. Специалисты, филологи-любители, многие просто грамотные люди увлеченно собирали местные слова, описывали региональные особенности быта, обычаи, верования и другие элементы народной культуры. Во II пол. XIX – нач. XX в. публикуются региональные (по отдельным губерниям) и сводные словари диалектных слов, создается шедевр русской лексикографии – уникальный «Толковый словарь живого великорусского языка» в 4 томах (1863 – 1866) В.И. Даля. В это время на говоры смотрят как на самую богатую форму русского языка и живое воплощение русских национальных черт, воплощение духа народа. «Живой на-

родный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, цельность и красоту, – писал В.И. Даль, – должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи...». Передовые деятели образования, ученые-педагоги, методисты в этот период рекомендуют наряду с литературным языком изучать в школах и диалектную речь, знакомить учащихся с богатствами местных говоров, с народной культурой [Чернышев 1970].

Такое положение сохранялось до середины 20-х гг. XX в. С изменением отношения государства к крестьянам, когда крестьянство в целом стало рассматриваться как косная масса с мелкобуржуазным мировоззрением, препятствующая прогрессивному развитию общества, когда развернулись коллективизация крестьянских хозяйств, борьба с кулачеством и другие инициированные советской властью реформы сельской жизни, формируется и резко отрицательное отношение к диалектам как к речевому выражению крестьянского мировоззрения.

В соответствии с этой укрепившейся в XX в. традицией сознательно регулируемый (кодифицированный) литературный вариант русского языка противопоставлялся всем остальным его вариантам в качестве безусловно высшей, единственно правильной и абсолютно универсальной формы, способной эффективно заменить собой любые другие варианты русского языка, в том числе народные говоры, и не только в коммуникативных сферах, специфичных для литературной речи (наука, образование, политика, государственное администрирование и под.), но и во всех других. Народным говорам отводится роль «низших», «неправильных», «ограниченных» форм языка.

Вследствие такого взгляда на состав русского языка школе не предписывалось развивать интерес к местной речевой культуре, раскрывать перед детьми стройность и красоту диалектной речи, объяснять школьникам особую важность живых, стихийно развивающихся сельских говоров для русской культуры в целом. Обучая школьников литературной речи (обучение литературной речи, безусловно, необходимо), школа не учила детей при этом гордиться замеча-

тельной речью их родителей и бережному отношению к своему родному говору, *не дополняла* литературным языком уже имеющуюся у школьников языковую компетенцию, а *замещала* говор литературным языком, то есть искореняла в сознании школьников первоначально усвоенную ими речь вторичной речью, что, как известно, ведет к серьезным негативным последствиям психологического, интеллектуального и морального характера [Калнынь 1991; Касаткин 1993].

Школьники, а за ними и старшие поколения сельских жителей приучались стесняться родной речи, считать её, а вместе с ней и себя примитивными, «серыми», нуждающимися в отречении от речевых и других жизненных традиций предков, в «подтягивании» к обычаям и стандартам городов. В результате резко снижалась самооценка сельских жителей, затруднялась их социальная ориентация, прерывались многовековые культурные традиции, разрушалась связь поколений, деревенский дом постепенно утрачивал роль главного семейного центра: уходя из него, люди теперь всё чаще уже не возвращались. Как справедливо утверждалось на Всесоюзной лингвистической конференции 1991 года, посвященной состоянию русского языка и русистики, такое положение во многом являлось «результатом той политики в отношении крестьянства России, которая проводилась в 30-70 годы» [Калнынь 1991: 229]. При этом «социальное давление на крестьянство России сопровождалось формированием официального негативного отношения к народной духовной культуре, в том числе и к языку крестьянства» [Калнынь 1991: 232], что находило проявление в языковой и культурной политике государства.

Современному российскому обществу достались от советской эпохи и всё еще окончательно не изжитая традиция негативного отношения к диалектной речевой культуре, к её носителям, жителям русских сёл, и сформированный в результате такого отношения комплекс неполноценности у жителей деревни. Ср.: *Мы и говорить-то не умеем...; – А кто это у вас на фотографиях таких красиво оформленных? – Да уж красиво!!! по-деревенски все!* (с. Белогорное Саратов. обл.). Городские, по оценке жителей села, обладают более высоким

уровнем знаний и культуры. Ср.: городскую внучку 5 лет бабушка демонстрирует гостям и уговаривает прочитать стихотворение: *не стесняйся/ ты у нас гороцкая//* (гостям) *она гороцкая/ всё знает//*; [о внуке] *с армии приходчи уже/ третий годик// не женивши/ не пьёт/ не курит/ парень-город// ... свой/ а город-парень!* (д. Верховье Волог. обл.).

Конечно же, понимание питающей силы народной речи всегда было свойственно русской интеллигенции. Привлечь уважительное, понимающее внимание общества к народной речи и к ее носителям старались писатели, особенно писатели-«деревенщики»; А.И. Солженицын в специальной работе [Солженицын 1990] страстно призывал расширять возможности русского языка, используя богатства народной речи, в том числе – диалектной; выдающийся славист Н.И. Толстой создал учение о речевых культурах и рассматривал народные говоры как самостоятельный тип национальной речевой культуры [Толстой 1991]; диалектологи собрали огромный научный материал о различных сторонах диалектной речи, опубликовали и продолжают накапливать и публиковать ценнейшие собрания диалектной лексики, создали уникальный «Диалектологический атлас русского языка», пытались популяризировать знания о русской народной речи [см., например: Язык русской деревни 1994].

Однако, хотя в последние десятилетия отношение к диалектной речи стало меняться (в диалектах все чаще видят одно из необходимых коммуникативных средств и ценнейший компонент национальной культуры), без специальной помощи государства и широкого общественного движения за толерантность речевой коммуникации существенно изменить отношение к деревне и её речевой культуре едва ли удастся.

***Русские народные говоры
как объект культурно-языковой политики***

Проводить ту или иную языковую политику, то есть осуществлять сознательно организуемое воздействие на языковую ситуацию внутри страны, а по возможности и за её пределами, вынуждено каждое государство. И если внеш-

няя языковая политика России становится всё явственнее и определеннее, то о внутренней языковой политике, особенно в части территориального разнообразия русского языка, этого сказать пока нельзя.

Специалистами в области речевой коммуникации не раз отмечались существенные различия между языковой политикой в отношении к территориальным разновидностям речи (территориальным диалектам) в таких государствах, как, например, Великобритания, Германия или Япония, и в современной России. В упомянутых странах с не менее глубокой, чем в России, языковой традицией, принимаются специальные меры по поддержке территориальных диалектов: поощряются СМИ, публикующие часть материалов на местной речи, выделяется телевизионное время для вещания на диалектах, организуется знакомство учащихся с народными говорами их регионов. Результатом такой языковой политики является то, что общество чрезвычайно ценит местные говоры как общественное богатство, как яркое выражение национальной самобытности народа и живую основу национально-языкового развития. Образованные носители литературных языков в этих странах гордятся параллельным владением местной речью и даже в публичных выступлениях не упускают возможности продемонстрировать с его помощью свой патриотизм и речевую толерантность. Вот как пишет, например, об отношении к диалектам в современной Японии В.М. Алпатов: *«Сейчас не только не пытаются искоренять диалекты, но их считают национальным достоянием, активно изучают, а записи хороших носителей исчезающих традиционных диалектов хранятся наравне с записями голоса крупных артистов. В школах теперь вводится специальный курс правильной речи на диалекте той местности, где находится школа»* [Алпатов 2008: 33].

Языковая политика, поддерживающая территориальные диалекты национального языка, не только разумно сохраняет это ценное достояние общенациональной культуры, но и способствует обогащению национальных литературных языков, увеличивающих за счет диалектной подпитки свою коммуникативную гибкость, мобильность, живое обаяние.

«Адекватность языка, – отмечает американский ученый Э.И. Хауген, имея в виду литературно-письменный язык, – возрастает не только за счет разветвленной научной и философской терминологии, но и за счет развития средств эмоциональной и поэтической выразительности. Языковая политика может искать поддержки в словах сельских диалектов, которые придадут письменной речи живую прелесть и непередаваемый аромат родного дома. Так было в Скандинавии, где изучение диалектов долгое время считалось всеми нормализаторами основным стимулом обогащения литературной речи» [Хауген 1975: 461].

В России пока еще, к сожалению, нет целенаправленной языковой политики в отношении русских народных говоров. Вместе с тем в настоящее время сложилась надежная научная и организационная база для успешного ее осуществления. Такую регулирующую роль государства в выстраивании оптимального взаимодействия между важнейшими компонентами общенародного русского языка – русским литературным языком и народными говорами – мы бы назвали «политикой культурно-языковой толерантности».

Научное и организационное обеспечение политики культурно-языковой толерантности в России

Эффективность культурно-языковой политики зависит от многих факторов, но в первую очередь – от степени научной обоснованности политики, от адекватности её базовых понятий той социально-исторической и культурной системе, к которой данная политика применяется.

Научная обоснованность культурно-языковой политики толерантности определяется сегодня следующими факторами:

– Получила развитие новая концепция языковой ситуации в России; в ней преодолена жесткость литературноцентрического подхода к соотношению идиомов в составе русского языка [Нещименко 2003].

– Анализ языкового сознания носителей диалектов сделал особенно заметной специфичность языковой «картины мира», воплощенной в диалектной

речи, и позволил оценить ее важность как компонента национальной культуры [Никитина 1993; Белякова 2004; Березович 2007, Нефедова 2008 и др.].

– Разработаны принципы лингвокультурологического анализа говоров; в русской диалектологии совершился переход от преимущественно структурного анализа диалектной речи к коммуникативному и лингвокультурологическому; выполнен конкретный лингвокультурологический анализ ряда говоров, на базе которого возможна разработка принципов школьного изучения местных говоров на специальных уроках, а также в кружках и факультативных курсах [Камалова, Савёлова 2007, Иванцова 2007; Крючкова 2007; Крючкова, Гольдин, Сдобнова 2007; Крючкова, Гольдин 2008; Русские старообрядцы 2008 и др.].

– Делается всё больше попыток осмысления принципов культуры речи с позиций коммуникативной толерантности [Гольдин 2003].

– Растёт общественный интерес к отражению истории в народном сознании, вызвавший поток публикаций «народных документов», дневников, воспоминаний и т.п. – в том числе – сельских жителей.

– В последние годы начали активно разрабатываться электронные диалектологические корпуса, сохраняющие в машиннообрабатываемой форме значительные массивы диалектной речи. Недавно открытый в составе Национального корпуса русского языка (www.ruscorgo.ru) и постоянно пополняющийся диалектный подкорпус (ДК НКРЯ) включает диалектные тексты, записанные на разных территориях России, и при его значительном наполнении будет давать представление о русском языковом ландшафте.

На основе другой научной идеологии строится Саратовский диалектологический корпус (СДК), который создается в Центре изучения народно-речевой культуры Саратовского университета. СДК включает комплекс лингвистических, культурологических, историко-этнографических сведений о каждом отдельном говоре. В результате каждый включенный в корпус говор представлен не отдельными иллюстративными материалами, а как целостное культурно-коммуникативное образование.

Диалектная речь хранится в корпусе в 3-х видах: в виде звучащей речи (цифровой аудио- или видеозаписи), в виде текстовой расшифровки звучащей речи и в виде специально размеченного (для исследовательских целей) текста. С каждым текстом соотнесены модули справочного характера: метаописание текста, модуль с биографией диалектоносителя (она восстанавливается, в том числе, из записанных текстов) и модуль с иллюстративными материалами. Корпус включает и другие справочные материалы: сведения об истории села, описание специфических природных особенностей места бытования говора, характеристику основных занятий местных жителей и др. Все информационные блоки корпуса образуют программно связанное целое и являются параметрами поисковых запросов.

– Появились регулярные научно-популярные издания (выпускаемые в твердом и электронном вариантах), пропагандирующие богатство народной речи, раскрывающие своеобразие культурной и речевой народной традиции (н-р, фольклорно-диалектологический альманах «Слово», издаваемый в Амурском гос. университете, журнал «Живая старина» – издание Центра русского фольклора, альманах «Живое слово» – издание Волгоградского гос. педуниверситета).

– В целом ряде вузов созданы и активно работают лаборатории и центры, основной целью которых является сохранение и изучение народно-речевой культуры (н-р, Центр изучения народно-речевой культуры в Саратовском гос. ун-те, лаборатории региональной лингвистики в Амурском гос. ун-те и Волгоградском гос. пед ун-те, лаборатория диалектной лексикографии в Томском гос. ун-те и др.)

На эффективность внутригосударственной культурно-языковой политики толерантности в современной социально-исторической и культурной обстановке позволяет надеяться также создание в России таких крупных и авторитетных научных и общественных организаций, как МАПРЯЛ, РОПРЯЛ, фонд «Русский мир», которые могут и должны стать активными разработчиками и проводни-

ками конкретных мер не только внешней, но и внутренней языковой политики государства, поскольку внешняя культурно-языковая политика не может достичь оптимальных результатов без разумной и привлекательной языковой политики внутри страны. Важно, что решение внутрироссийских проблем отчетливо обозначено в качестве приоритетного направления деятельности фонда «Русский мир»: «Главный русский мир — это Россия. Из истории мы знаем, что он не раз сам себя разрушал: в 1917 году, в 1991-м. Опасное заблуждение, что сейчас русскому миру ничего не угрожает в самой России. Вызывает самое серьезное беспокойство культурное и духовное здоровье страны, состояние исторической памяти — всего того, от чего зависит сохранение и развитие России как великой державы» [Никонов 2007а]. Большую роль в улучшении точно описанной В.А. Никоновым ситуации призвана сыграть выверенная культурно-языковая политика.

Мероприятия политики культурно-языковой толерантности

Проведенный авторами анализ убеждает в необходимости поддерживаемых государственными и общественными организациями мероприятий, направленных на привлечение общественного внимания к территориальным разновидностям русской речи, на развитие патриотических чувств по отношению к родной речи, на повышение ее статуса в общественном сознании.

Мероприятия образовательного характера:

а) включение в программу школьного курса русского языка тем о местных разновидностях русской речи;

б) включение темы «Русские народные говоры как достояние русской национальной культуры» в вузовский курс «Русский язык и культура речи».

Мероприятия, направленные на привлечение общественного внимания к русским народным говорам:

а) включение материалов о значении диалектной речи для русской речевой культуры в теле- и радиопередачи о русском языке, в соответствующие рубрики печатных СМИ;

б) организация конкурсов «Родная речь» для школьников, учителей сельских и районных школ, для языковедов-русистов, для краеведческих музеев (например, на лучшую экспозицию о местной диалектной речи и о талантливых носителях местных говоров).

Мероприятия, направленные на создание крупных архивов машиннообрабатываемых записей русской народной речи и лингвокультурологических корпусов традиционного сельского общения (типа ДК НКРЯ и СДК). Создание представительных коллекций диалектных текстов и открытие широкого доступа к ним позволит сократить «расстояние» между существующими в русском мире различными культурно-коммуникативными идиомами, станет одним из средств, препятствующих усилению культурно-коммуникативного разрыва между носителями русского языка.

Подобные усилия государственных структур будут способствовать социально-культурному единению народа, живущего в разных уголках большой России. *«Как изучение старинного нашего языка роднит нас с нашими предками, так изучение провинциализмов сближает и дружит нас с нашими соотечественниками всех концов России»*, – писал Ф.И. Буслаев [Буслаев 1992: 356].

Культурно-языковая политика, специально направленная на повышение внимания к русской народной речи, приобретает особую значимость сегодня, в условиях нарастающего «языкового нигилизма». Небрежение народной речевой культурой – то начальное звено в языковом и культурном сознании, которое девальвирует национальную самооценку, снижает престиж родного языка, способствует выдвиганию импортированных языков на роль наиболее престижных идиомов.

Культурно-языковая политика толерантности, направленная на сохранение русских народных говоров, поощрение интереса к народно-речевой культуре и повышение ее общественного статуса, несомненно будет способствовать сохранению идентичности русской культуры, духовному самоутверждению народа, достижению единства в русской культурно-коммуникативной среде, повышению внутренней и внешней оценки русского мира и, в конечном итоге,

формированию того яркого, привлекательного образа России, значение которого осознано сегодня как важная государственная задача [см.: Никонов 2007б].

Литература

- Алпатов В.М.* Языковая культура современной Японии // Лингвистика для всех. Летние лингвистические школы 2005 и 2006. М., 2008.
- Белякова С.М.* Жизнь и смерть в языковом сознании современного диалектоносителя // Материалы и исследования по русской диалектологии. II (VII). М., 2004.
- Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура. М., 2007.
- Буслаев Ф.И.* Преподавание отечественного языка. М., 1992.
- Гольдин В.Е.* Толерантность как принцип культуры речи // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М, 2005.
- Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2007.
- Калнынь Л.Э.* Русские диалекты в современной языковой ситуации и перспективы русской диалектологии // Русский язык и современность. проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Москва, 20-23 мая 1991 г. Доклады. Ч.1. М., 1991.
- Камалова А.А., Савёлова Л.А.* Лингвокультурологическое описание северной русской деревни. Архангельск, 2007.
- Касаткин Л.Л.* Русские диалекты и языковая политика // Русская речь, 1993, № 2.
- Касаткин Л.Л.* Исследование говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН // Русские старообрядцы: язык, культура, история. М., 2008.
- Крючкова О.Ю.* Оценки речи как проявление культурно-языковой идентичности носителей диалекта // Проблема идентичности в современном мире. Саратов, 2007.
- Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е., Сдобнова А.П.* Электронный диалектный корпус как новый источник изучения русских народных говоров // Язык и куль-

- тура в России: состояние и эволюционные процессы: материалы международной научной конференции. Самара, 2007.
- Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е.* Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 7. М., 2008.
- Нефедова Е.А.* Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008.
- Нещименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003.
- Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
- Никонов 2007a – Никонов В.* Русский мир // <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/> (Опубликовано в газете «Известия», 27 июня 2007 г. 27.06.07).
- Никонов 2007б – Никонов В.А.* Русский мир бессмыслен без России // <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/> (Опубликовано в газете МН № 29 за 2007 год (27.07.2007))
- Русские старообрядцы: язык, культура, история. М., 2008.
- Солженицын А.И.* Русский словарь языкового расширения. М., 1990.
- Толстой Н.И.* Язык и культура (некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность. проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Москва, 20-23 мая 1991 г. Доклады. Ч.1. М., 1991.
- Хауген Э.* Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике, вып.7. М., 1975.
- Чернышев В.И.* В защиту живого слова // Чернышев В.И. Избр. труды. Т. 2. М., 1970.
- Язык русской деревни. Школьный диалектологический атлас. Пособие для общеобразовательных учреждений. М., 1994.

